

*Посвящается Анжеле, а также Оливии и Закари —
во имя всех городов, которые мы исследовали
вместе*

Благодарности

*Как пели когда-то «Кросби, Стиллс энд Нэш»:
«То была давняя история...»¹*

Идея этой книги возникла у меня почти 10 лет назад на вечерней прогулке с моими родителями, Терри и Питером. И хотя с тех пор во время ее создания мне помогали многие, в том числе совершенно посторонние люди, в первую очередь я хочу поблагодарить своих родных — маму и папу. Во многом они остаются для меня примером.

Книга давалась с трудом, так как многое нужно было сделать: что-то было полезно, что-то обременительно, что-то необходимо. А что-то и отвлекало, но я не жалею. Ведь все, что было связано с моими детьми, Заком и Оливией, приносило мне истинное удовольствие. Пока я писал эту книгу, из малышей они превратились в подростков и стали настоящими личностями — интересными, сложными и забавными. Им моя благодарность во вторую очередь.

С огромным чувством признательности вспоминаю всю помощь, которую получил от друзей и коллег, работая над этим проектом. Я обращался за советом и поддержкой к Кевину Бойлу, Солу Корнеллу, Джейкобу Дорну, Роберту Фишману, Элисон Айзенберг, Майклу Каммену, Крису Клемеку, Брюсу Куклику, Максу Пейджу, Натаниэлю Попкину, Венделлу Притчету, Брайанту Саймону, Тому Сагру и Майку Цукерману. Благодарю вас,

¹ It's been a long time comin — цитата из одноименной песни 1969 г. в стиле фолк-рок супергруппы «Кросби, Стиллс энд Нэш» (Crosby, Stills & Nash). — *Примеч. пер.*

друзья! Особо хочу отметить Дэна Амстердама, Билла Чайлдса, Боба Фогарти и Дэйва Штайгервальда за их щедрость и бескорыстие по отношению ко мне. Мои студенты, Делано Лопес и Патрик Поттионди, задавали мне непростые вопросы в связи с моей книгой и тем самым сделали ее гораздо лучше. Нэнси Тофф, мой редактор в издательстве Oxford University Press, появилась как раз в нужный момент, чтобы дать мне последний импульс, который был крайне необходим. И я бы не закончил этот проект, если бы не помощь двух очень способных аспиранток, Летиции Уиггинс и Рении Эскивель-Кинг.

Неоценимую помощь оказал мне целый ряд архивных фондов и их замечательные сотрудники. Особо хочу отметить Библиотеку Ван Пелта в Пенсильванском университете, Архивный центр Рокфеллера, специальные фонды Иллинойского университета в Чикаго, Хьюстонский столичный исследовательский центр при Публичной библиотеке Хьюстона, Историческое общество Гринхиллса и специальные фонды Университета имени братьев Райт.

Хотя процесс написания этой книги растянулся, она так и не была бы закончена, если бы не грант, который я получил от Американского философского общества: его хватило на целый год исследований. Большую часть этой работы я проделал в Библиотеке имени Олив Кеттеринг в Антиохийском колледже. В ней очень богатые фонды, а ее сотрудники всегда готовы помочь. Джим и Сэнди, Ритч и Даффи терпели мое присутствие, сохраняя неизменное дружелюбие, а Скотт Сандерс — человек энциклопедических знаний, наделенный прекрасным чувством юмора, — заслуживает особой благодарности.

Тем холодным осенним вечером, когда я решил написать эту книгу, со мной и с моими родителями была и моя жена, Анжела Бринтлингер. И если брак — это метафора совместного путешествия, то наше можно измерить всеми теми прогулками, которые мы с ней совершили вместе за эти годы. Их были сотни. Мы прошли много миль, и я дорожу каждым нашим шагом, сделанным вдвоем.

Введение

Парадоксы американского урбанизма

Начнем с конкретного примера: округ Роанок находится в юго-западной части штата Виргиния, а если точнее, то в том месте, где территория Содружества Виргинии (так официально называется этот штат) начинает сужаться и вытягивается в западном направлении. Поблизости к югу раскинулись знаменитые ландшафты долины р. Шенандоа, а к востоку высятся горы Аппалачи. Кроме того, сам округ с его холмами и долинами, сельскохозяйственными угодьями и лесами весьма живописен. Не секрет, что туризм играет все более заметную роль в местной экономике.

На первый взгляд округ Роанок входит в число типичных американских сельских муниципальных образований. В 2010 г. его население насчитывало всего лишь 100 000 человек, проживавших на территории, составляющей 251 кв. милю¹. Здесь, как и на большей части сельской Америки, местные жители придерживаются в основном консервативных политических взглядов. На протяжении последних 50 лет это проявилось в традиционно стабильном голосовании на президентских выборах за кандидата от Республиканской партии. Так, в 1964 г. Барри Голдуотер² получил в среднем по стране менее 40 % голосов, в то время как

¹ Примерно 650 км². — *Примеч. пер.*

² Барри Моррис Голдуотер (1909–1998) — американский политический и государственный деятель, кандидат от Республиканской партии в президенты США на выборах 1964 г. — *Примеч. пер.*

в округе Роанок за него проголосовали 55 % избирателей. Почти все 100-тысячное население округа белое.

Но первый взгляд не всегда правильный, и в этом случае реальная картина несколько иная. В официальные данные по демографии округа не включены почти 100 000 человек, проживающих в центральном с географической и экономической точек зрения городе Роанок, который считается самостоятельным муниципальным образованием. Следует также учитывать, что большинство населения округа предпочитает селиться вокруг города или в его непосредственной близости. Соответственно, этих американцев не следует считать сельскими жителями. Перед нами — типичные жители американских городов и пригородов.

Иными словами, округ Роанок смело можно назвать городской агломерацией с населением примерно 200 000 человек, что делает его четвертым по числу жителей муниципальным образованием всего штата Виргиния и самым крупным в его юго-западной части. Как и в большинстве городских агломераций, ее центром в экономическом и культурном плане является собственно город Роанок. И именно он летом 2011 г. оказался ареной ожесточенных политических баталий, ставших отражением политических разногласий на национальном уровне.

После выборов 2008 г., когда жители округа Роанок отдали 60 % своих голосов за Джона Маккейна, стало очевидно, что существенная часть его населения активно поддерживает так называемое движение чаепития³. По сообщениям СМИ, его основны-

³ Движение чаепития — консервативное политическое движение в США, возникшее в 2009 г. как серия протестов на местном и национальном уровне против реформ администрации Барака Обамы, введенных в действие законом 2008 г. о чрезвычайной экономической стабилизации. Название движению дало Бостонское чаепитие 1773 г. — протест под лозунгом «Нет налогам без парламентского представительства», во время которого американские колонисты уничтожили английский груз чая (событие, ставшее символичным в американской истории). Иногда название движения Teaparty расширявают как *Taxed Enough Already* («Хватит с нас налогов»). Движение чаепития не является политической партией, и кандидаты от него не баллотируются ни в конгресс, ни на других выборах, но некоторые кандидаты от Республиканской партии пользовались его поддержкой. По оценкам специалистов, в 2016 г. деятельность движения сошла на нет. — *Примеч. пер.*

ми мишенями стали условный «Вашингтон» и либеральный курс правительства, предусматривающий масштабные социальные и иные расходы. Помимо этого, особое значение имели (хотя и, возможно, не так широко освещались) выступления участников движения против органов местного самоуправления. В округе Роанок это вылилось в акции против решений местного окружного совета⁴.

В то время он как раз приступил к рассмотрению ряда инициатив под общим лозунгом поддержки концепции устойчивого развития, начиная со строительства сети велодорожек и кончая заменой электрических счетчиков умными приборами учета, что способствовало бы развитию узлов общественного транспорта и прилегающих к ним территорий. Представители движения чаепития в округе Роанок сочли эти инициативы неприкрытой попыткой насильственно «урбанизировать» их округ, сделать его более «городским», а также увидели в них воплощение заговора правительственных кругов.

Теория заговора в таком понимании поддерживалась и Республиканской партией. Тринадцатого января 2012 г. Национальный комитет Республиканской партии четко сформулировал неприятие идеи урбанизма, выпустив заявление, в котором характеризовал концепцию «устойчивого развития» как покушение на «американский образ жизни, выражающийся в праве частной собственности на земельные владения, индивидуальные односемейные домовладения, использование человеком своего автомобиля, выбор гражданами маршрутов собственных передвижений и частное владение сельскохозяйственными предприятиями фермерского типа». Все инициативы органа местного управления, по мнению активистов движения чаепития, смахивали на коммунистический заговор или (и того хуже) нечто исходящее от ООН. Можно только посочувствовать Шарлотте Мур, входившей

⁴ Окружной совет, board of supervisors (буквально «совет попечителей»), — орган самоуправления округов (counties) США. В разных округах используется до 27 названий этого органа, в том числе совет уполномоченных (board of commissioners), наблюдательный совет (supervisory board) и пр. — *Примеч. пер.*

в окружной совет, которая после яростных нападок со стороны движения чаепития с глубоким сожалением и не без ноты раздражения заметила: «Представители движения чаепития рассуждают о том, что им нужны чистый воздух, чистая вода, т. е. все то, что окружной совет всячески продвигает и поддерживает. Но при этом они заявляют, что мы [т. е. окружной совет] поддерживаем коммунистические инициативы. Я действительно не понимаю, чего же они хотят на самом деле»⁵.

В принципе, округ Роанок не одинок среди городских агломераций США, которые ищут пути снижения энергопотребления либо борются с потерей сельскохозяйственных угодий и нерациональным использованием незастроенных территорий. В настоящее время создается впечатление, что достигнут широкий консенсус относительно концепции дальнейшего развития, суть которой сводится к приверженности принципам «передового урбанизма». В соответствии с ними жители будут в меньшей степени пользоваться личными автомобилями и больше полагаться на общественный транспорт, селиться достаточно плотно, но без скученности, переходить к комплексным формам использования общественных пространств, зданий и сооружений, что в теории должно помочь муниципалитетам сэкономить деньги, обеспечить более высокий экономический рост и даже способствовать определенному социальному прогрессу, но при этом не только активные жители округа Роанок, но и население многих других американских муниципальных образований гневно отрицают подобные инициативы, демонстрируя иррациональную реакцию отторжения.

⁵ См. серию газетных статей, аналитических материалов и писем в адрес главного редактора, напечатанных в газете «Роанок таймс» (Roanoke Times) в июле 2011 г. Эта тема вызвала интерес и на национальном уровне, что отразилось в статье Лесли Кауфман и Кейт Зернике в «Нью-Йорк таймс» (New York Times) под заголовком «Активисты борются против зеленых проектов, видя в них заговор ООН» (Kaufman L., Zernike K. Activists Fight Green Projects, Seeing U. N. Plot // New York Times. 04.02.2011). Под «заговором ООН» понимается документ «Повестка дня на XXI в.» — рекомендательная резолюция, принятая ООН в 1992 г., которая призывает к более устойчивому развитию во всем мире.

В связи со всем вышесказанным хотелось бы привести округ Роанок в качестве репрезентативного примера. В нем органично объединяются два ландшафта, характеризующие Америку первых десятилетий XXI в.: физический и политический. Физический — это типичный пригородный пейзаж большей части городских агломераций США, в то время как политический наполнен глубинными страхами перед правительством и подозрительным отношением к тому, какую роль решения государственных органов должны играть в нашей жизни. Сегодня эти подозрения формируют львиную долю нашего текущего политического дискурса. Цель моей книги — описать взаимоотношения между этими двумя ландшафтами в динамике их развития относительно друг друга на всем протяжении XX в. И связаны они друг с другом одним и тем же импульсом, проявляющимся в современном американском образе жизни и до определенной степени формирующим его. Я называю этот импульс антиурбанизмом.

Чтобы понять, что я имею в виду под антиурбанизмом, необходимо разобраться, что же такое урбанизм, а это задача вовсе не простая. Почти все то время, пока города⁶ были частью опыта, переживаемого человечеством, люди пытались определить, что же они собой представляют. В первую очередь города выделяются по их демографическим характеристикам, потому что на базовом уровне в них очень высокая концентрация людей и их деятельности. Сто лет назад немецкий социолог и философ Макс Вебер⁷ создал таксономию городов, включающую в себя рыночные поселения, города потребителей и производителей, политические и административные столицы, а также города-

⁶ По латыни «город» — *urbis* (см., например, крылатое выражение *urbi et orbi* — «граду и миру»), отсюда происходят термин «урбанизм» и его производные. — *Примеч. пер.*

⁷ Максимилиан Карл Эмиль Вебер (1864–1920) — немецкий историк, социолог и социальный философ. Труды Вебера внесли значительный вклад в развитие социальной философии и социологической науки. — *Примеч. пер.*

крепости и города-гарнизоны⁸. К ним можно также добавить центры религиозной и интеллектуальной жизни.

Демографические и функциональные характеристики, безусловно, являются неотъемлемой частью любого определения города в современном понимании, но они не в полной мере отражают трансцендентное, возвышающее качество, которое, как мне кажется, лежит в основе того, что мы ассоциируем с урбанизмом. Еще в Античности Аристотель напомнил нам, что «великий город не следует путать с многолюдным», хотя разницу между великим и просто большим городом трудно уловить. Как отмечали многие мыслители в конце XIX — начале XX в., подъем и поразительный рост промышленных городов открыли новые социальные и культурные возможности, а также создали новые экономические отношения. Мы можем путем переписи посчитать население и измерить показатели экономической активности, чтобы оценить тот или иной город, но эти сухие цифры не объясняют того, что Лэнгстон Хьюз сумел выразить в четырех коротких строках:

Утром город
Расправляет крылья,
Создавая песню
В камне, который поет...
[Hughes 1995: 602]

Мне кажется, что великие города, какой бы смысл ни несло в себе это словосочетание, объединяют и комбинируют внутри себя различные функциональные и культурные аспекты, которые переплетаются между собой и тем самым взаимно усиливают друг друга. Рискую впасть в чрезмерное упрощение, скажу, что каждый великий город является одновременно местом товарного обмена, т. е. рынком, и местом встреч людей друг с другом. Осуществляя свою рыночную функцию, города собирают людей,

⁸ См. Weber M. «The Nature of the City» в [Sennett 1969: 23–46]. Первоначально это эссе было опубликовано в книге Вебера «Город» [Weber 1968]. В русском переводе см. главу «Понятие и категории города» в [Вебер 2018]. — *Примеч. пер.*

желающих участвовать в товарообмене и заключать сделки, вне зависимости от того, являются ли их предметом продукты экономической деятельности, социальные связи или результаты интеллектуальной активности. Сам этот акт создает для людей возможность взаимодействовать, иногда самым неожиданным образом. Возникают сопряжения, которые не могли состояться ни в каком другом месте, из коих вырастают столь же неожиданные инновации и изменения. Именно величие большого города как места встреч подчеркивала Маргарет Мид⁹, когда писала: «Город должен быть тем местом, где группы женщин и мужчин ищут высочайшее из того, что им известно, а обретя его, развивают» [Mead 1979: 118]. Это сочетание универсальной торговой площадки и места встреч открывает горизонты возможностей, постоянно ставит перед обществом новые вызовы, делая городскую среду поистине уникальной.

Хотя такие философы, как Вебер и Георг Зиммель¹⁰, еще сто и более лет назад признавали важность культурного аспекта городской жизни, можно утверждать, что мы в Америке склонны были сосредотачиваться только на экономических функциях города. Как следствие, мы не до конца оценили ту важную, но не выраженную напрямую роль, которую играют города в нашей цивилизации. И действительно, функция места встречи людей как раз и является тем фактором, который превращает просто город как поселение в развитую урбанистическую среду.

Раз города должны функционировать таким образом, для этого требуется соблюдение двух условий, формирующих собственно городской уклад жизни, таких как высокая плотность населения и наличие общественного, публичного пространства. Если первое условие можно считать физическим состоянием

⁹ Маргарет Мид (1901–1978) — известный американский антрополог, одна из основоположниц современной релятивистской культурологии. — *Примеч. пер.*

¹⁰ Георг Зиммель (1858–1918) — немецкий философ, социолог и культуролог, один из главных представителей так называемой философии жизни. — *Примеч. пер.*

городской застройки, второе отражает политические и социальные характеристики урбанистической среды. Кроме того, во взаимодействии эти аспекты (по аналогии с «рынком» и «местом встреч») могут увеличивать или уменьшать свою значимость в общей картине городской жизни.

Из двух перечисленных выше условий плотность населения измерить проще: берем численность жителей любого населенного пункта и делим ее на площадь, занимаемую им. Однако, поскольку мы больше привыкли оперировать термином «большой» при описании того или иного города, а не «плотно заселенный», результаты этого простого арифметического действия иногда могут удивлять. Так, по данным переписи населения США 2010 г., пять крупнейших американских городов — это Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Хьюстон и Филадельфия, т. е. нам представлен достаточно знакомый и ожидаемый список. Но если ранжировать крупные города по плотности населения, то последовательность будет уже немного другая, как то: Нью-Йорк, Сан-Франциско, Бостон, Чикаго, Филадельфия. Стоит отметить, что, хотя из крупных американских городов Нью-Йорк имеет самую высокую плотность населения, в Париже этот показатель будет почти в два раза выше. Можно сделать вывод о том, что размер территории не имеет решающего значения, когда речь идет об урбанистической среде и о феномене городской жизни, а вот плотность проживающего на этой территории населения имеет значение.

Высокая плотность населения позволяет разнотипным и неоднородным группам людей взаимодействовать, а часто и вынуждает их к этому. Эти взаимодействия, экономические или социальные, характерные для повседневной жизни или основанные на личных привязанностях, создают ту атмосферу космополитизма, которая отличает великие города. Именно дух космополитизма так восхищает одних и пугает других. Впрочем, если смотреть с точки зрения истории, города изначально были тем местом, где человек впервые и наиболее полно столкнулся с задачей жить рядом с другими себе подобными индивидуумами, но необязательно принадлежащими к его племени: первоначально слово «космополит» обозначало того, кому удобно жить среди

незнакомых людей в среде, отличающейся разнообразием. И хотя старинная поговорка гласит: «Чем ближе узнаешь, тем меньше считаешь», — главный урок городского уклада жизни заключается в том, что чаще всего такое знакомство порождает терпимость.

Способ, которым города объединяют разных людей, помещая их в непосредственной близости друг от друга, связан с созданием общественного пространства или, другими словами, публичной сферы. Философы и историки по-разному трактуют это понятие, но в целом мы можем рассматривать публичную сферу как пространство (в метафорическом и буквальном смысле), где частные лица получают возможность собираться вместе, чтобы определять области и темы, представляющие общий интерес, обсуждать их, вести дискуссии и действовать в общих интересах. Это пространство, которое соединяет элементы частной жизни отдельных людей с правилами и установлениями, исходящими в том числе от органов власти. Создание публичной сферы позволяет отдельным людям воспринимать себя как часть общества с определенным коллективным набором интересов¹¹.

Начиная с XVII в. города стали оптимальным местом для создания такого общественного пространства. Именно в них развивались сети обмена информацией и идеями. Они представляли свои улицы и тротуары для шествий и демонстраций, в том числе протестных, а свои площади и парки — для собраний. Кроме того, в городах располагались учреждения, способствующие распространению знаний и культуры среди широких масс населения: музеи и библиотеки, школы и университеты. Неудивительно, что города оказались в авангарде демократических революций XVIII в. В Бостоне представители совсем недавно сформировавшейся городской общественности сбросили в мо-

¹¹ Наибольшее влияние на определение понятия «публичная сфера» оказали работы немецкого философа Юргена Хабермаса (родился в 1929 г.), особенно его книга «Структурная трансформация публичной сферы» [Хабермас 2023]. Кроме того, американский философ Джон Дьюи (1859–1952) в своей книге «Общество и его проблемы» ставил многие из рассматриваемых в этой связи вопросов [Дьюи 2002].

ре тюки с чаем в знак протеста против действий британской короны¹², а в кофейнях Филадельфии радикалы высказывали и обсуждали идеи, которые в дальнейшем приведут Соединенные Штаты Америки к независимости. В принципе, можно утверждать, что демократия как раз и является порождением городской жизни, поскольку представляет собой процесс, во время которого неоднородная группа людей становится «общественностью», выявляя и обсуждая вопросы, представляющие взаимный интерес.

Сейчас (да и тогда) мало кто из американцев готов отвергнуть идею демократии, но многие мои соотечественники парадоксальным образом выступали и выступают против городов и «урбанистичности», из которой, в принципе, демократия и выросла. Далее в своей работе я рассмотрю теории и призывы принадлежащих к различным направлениям писателей, общественных деятелей, архитекторов, проектировщиков, представителей других профессий, которых объединяет одно — приверженность концепции антиурбанизма. Если говорить более конкретно, все эти люди, часть которых можно отнести к интеллектуальной элите, наблюдали за развитием американских городов в XX в. и при этом отвергали (в разной степени и с разными акцентами) оба ключевых аспекта урбанизма: высокую плотность заселения городского пространства и общественный характер городского уклада жизни.

Некоторые из тех, кто возражал против высокой плотности городского населения, делали упор на тесноте и антисанитарии рабочих кварталов, справедливо считая такие условия жизни негуманными. Другие просто не могли смириться с этническим и расовым разнообразием, которое стало определять лицо американских городов, когда сначала в них хлынули эмигранты из Южной и Восточной Европы, а затем афроамериканцы и лати-

¹² Бостонское чаепитие — акция протеста американских колонистов 16 декабря 1773 г. в ответ на действия британского правительства, в результате которой в порту Бостона был уничтожен груз чая, принадлежавший Английской Ост-Индийской компании. Это событие послужило толчком к началу Американской революции. — *Примеч. пер.*

ноамериканцы вновь изменили палитру цвета кожи городских жителей.

Для борьбы со слишком высокой плотностью населения, которую антиурбанисты часто называли концентрацией, предложили идею децентрализации городов. Для достижения этой цели антиурбанисты выдвигали самые различные предложения и проекты. Все они: от строительства городов-садов и возрождения традиционных американских городков до возведения принципиально новых поселений городского типа — были объединены стремлением создания таких альтернатив большому городу, в которых плотность населения была бы ниже, а состав этого населения (хотя об этом не всегда говорилось прямо) — гораздо менее разнородным. По мнению многих антиурбанистов, технологии начала XX в. (электричество и автомобили) сделали возможной децентрализацию городов без потери экономических преимуществ, связанных с высокой концентрацией их жителей. Подключившись к электросети и сев за руль, американцы освободились от необходимости тесниться в центре города. Совсем недавно эта мечта возродилась в обещаниях цифровой эпохи о полной децентрализации, когда удаленная работа позволит сотрудникам трудиться на одном виртуальном рабочем месте, при этом жить в разных местах.

В то же время (что не менее важно) антиурбанисты выступали против общественного, коллективного характера повседневного городского быта. В эпоху прогрессивизма¹³ горожане все чаще обращались к механизмам государственного управления для улучшения качества своей жизни. Однако многие антиурбанисты видели в расширении роли государства серьезную проблему. По мере того как в XX в. росли значение городов и масштабы

¹³ Эпоха прогрессивизма (иногда также именуется эпохой прогрессизма) — период в истории США с 1890-х до 1920-х гг. включительно, для которого характерна высокая политическая активность среднего класса и социальных низов, приведшая к масштабным социальным и политическим реформам (борьба с коррупцией, принятие сухого закона, предоставление избирательных прав женщинам, улучшение системы здравоохранения и др.). — *Примеч. пер.*

государственного управления ими, антиурбанисты стали рассматривать эти явления как почти неразделимые и стали с одинаковым подозрением относиться к ним обоим.

Поскольку антиурбанисты испытывали неприязнь или даже враждебность к городской публичной сфере, а тем более — к той роли, которую в ней играли государственные органы, почти все они предлагали в качестве альтернативы более туманное понятие «комьюнити», т. е. сообщества, общины, общности, содружества. Американцы самых разных взглядов наблюдали за стремительным ростом городов в индустриальную эпоху и фиксировали сопровождающие этот рост потери: утрату теплоты межличностных социальных отношений, заменяемых анонимностью, отказ от чувства общности, на смену которому пришло отчуждение. Они были убеждены, что в современном городе настоящего сообщества-комьюнити не построить, именно поэтому центральное место в их антиурбанистическом видении будущих Соединенных Штатов Америки занимало восстановление общины-комьюнити, а пути для этого они предлагали самые разные.

В Америке термины «комьюнити», «сообщество» и «община» почти всегда имеют весьма положительные коннотации. Под ними подразумевается нечто большее, чем простое объединение людей. Скорее, имеется в виду содружество, приносящее эмоциональную и, возможно, даже духовную поддержку. В общине-комьюнити все знают, как вас зовут, и заботятся о вашем благополучии. Однако следует отметить, что те, кто предлагал идею комьюнити-общины как альтернативы обезличенности и анонимности больших городов, в то же время крайне редко вспоминали об одной характерной черте любого сообщества: его свойства в обязательном порядке определяются теми, кого оно в себя включает, а значит, и теми, кого оно в себя не включает, кто остается за его бортом. И есть множество примеров, когда сообщества демонстрируют полное неприятие к чужакам, всеми силами защищаются от них, возводят баррикады, буквальные и метафорические, а затем и полностью замыкаются в себе. Именно этот двойственный характер сообществ (гостеприимных к «своим» и враждебных к тем, кто находится за его пределами)

привел к появлению и распространению такого понятия, как *gated community*, буквально «община за оградой с воротами». Характерно, что этим словосочетанием может обозначаться как замкнутое сообщество любого типа, так и элитный коттеджный поселок с ограниченным въездом.

Помимо этого, антиурбанисты так и не смогли признать тот факт, что сообщества-общины-комьюнити никогда не смогут стать простой заменой публичной сферы, создаваемой в городском пространстве. И действительно, взаимодействия, необходимые для формирования «общественности», отличаются от более близких отношений, формирующихся в сообществе-комьюнити, однако они не менее важны. Без них демократические процессы не работают нормально, что, возможно, объясняет, почему по мере того, как население в нашей стране все глубже погружается в мир частного, заявления наших политиков становятся все более крикливыми и демагогическими, а сущность их политики — все более косной¹⁴.

В этом смысле ситуация в округе Роанок прекрасно отражает парадоксы антиурбанизма XX в. С одной стороны, очень большое число американцев, живущих в бесчисленных пригородах посреди децентрализованного ландшафта городских агломераций, не удовлетворены качеством своей жизни. Они возмущаются тем, что теряют время в пробках, жалуются на уродство и безликость архитектуры своих «спальных» районов, страдают от разобщенности и одиночества, оплакивают потерю «чувства локтя», ощущения принадлежности к общине, которое не смогла им дать стерильная физически и социально среда пригорода. С другой стороны, многие из них отвергают идею, что для решения возникших проблем можно или нужно предпринимать какие-либо коллективные, общественные, публичные действия. И от этого

¹⁴ Этот вопрос детально рассмотрел Ричард Сеннет (родился в 1943 г.), видный социолог, профессор Лондонской школы экономики, Нью-Йоркского и Колумбийского университетов. Сеннет изучал социальные связи в городах и влияние урбанистического уклада на поведение людей в современном мире; см. его книгу «Падение публичного человека» [Sennett 1977; Сеннет 2002], вызвавшую много споров, в частности ч. I, гл. 13. — *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru